

**Из истории русских
литературных
институций**

[Рец.: Институты литературы в
Российской империи:
коллективная монография. Сост.,
отв. ред. А. В. Вдовин,
К. Ю. Зубков. Москва, 2023
(Монографии ВШЭ:
Гуманитарные науки)]

**Андрей Юрьевич Соловьев
Вера Владимировна Филочева**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

**From the History
of Russian Literary
Institutions**

[Rev. of: Institutes of Literature in
the Russian Empire: joint
monograph. Comp., ed. by
A. V. Vdovin, K. Yu. Zubkov.
Moscow, 2023 (HSE Monographs:
Humanities)]

**Andrei Yu. Solovov
Vera V. Filicheva**

Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom) of the Russian
Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Рецензия представляет собой обзор коллективной монографии, посвященной литературным институтам и институциям Российской империи. Собранные в рабочую группу исследователи — специалисты по разным аспектам общей темы, что позволило им создать труд, пронизанный единым подходом, и одновременно углубиться в частную проблематику. В поле зрения авторов книги находятся такие институты как цензура, народное образование, театр, кружки, салоны и литературные организации и сообщества. Обращаясь к анализу конструктов (воображаемый читатель, публика, народ, общество), авторы

Цитирование: Соловьев А. Ю., Филочева В. В. Из истории русских литературных институций // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 370–385.

Citation: Solovov A. Yu., Filicheva V. V. (2025) From the History of Russian Literary Institutions. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 370–385.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.13

монографии показывают, что они существуют не сами по себе, а в рамках рассматриваемых институций, и каждый раз, когда идет разговор о конкретном тексте, это необходимо учитывать. Безусловными достоинствами издания можно назвать проработанность материала и композицию: выделение узловых проблем, распределение глав по частям. Исследование органично вписывается в научное творчество его авторов, в историю изучения литературных институций, указывает перспективы дальнейшей работы. Они могут быть связаны и с дальнейшей гранкой инструментария, терминологии, и с количественным наращением материала, который ляжет в основу институциональной истории русской литературы. В ряде глав коллективной монографии, которым уделено особое внимание, выделяются как особенности, связывающие их с методом и целями всего исследования, так и отдельные открытия, достижения и спорные моменты, придающие этим главам самостоятельное значение.

Ключевые слова

институты литературы, цензура, чтения для народа, программа обучения, история театра, литературный канон, литературные объединения, автономизация, литература и политика

Abstract

The present review observes a joint monograph that examines literary institutions and institutes of the Russian Empire. The researchers gathered in the working group are specialists in different areas of the general topic, which allowed them to develop a unified approach and to delve into particular issues at the same time. The authors overview such institutions as censorship, public education, theater, coteries, salons, and literary organizations and communities are in the field of view. By analyzing the constructs (the imaginary reader, the public, the people, the society), the authors show that such phenomena exist not by themselves, but within the framework of the institutions in question, and every time we talk about a particular text, this must be taken into account. The undoubted advantages of the publication are the elaboration of the material and the composition: the allocation of nodal problems, the distribution of chapters into parts. The study organically fits into academic interests of its authors, into the history of the study of literary institutions, and indicates the prospects for further research. This may be related to further refinement of tools and terminology, and to the quantitative accretion of material that will form the basis of the history of Russian literary institutions. A number of chapters which drew our special attention, highlight both the features that link them to the methods and goals of the whole study and individual discoveries, achievements, and controversial moments that testify to their independent significance.

Keywords

literary institutions, censorship, public readings, curriculum, history of theater, literary canon, literary associations, autonomisation, literature and politics

Рецензируемая монография «посвящена проблемному описанию ключевых литературных институтов и институций Российской империи XVIII–XIX вв. в их тесном взаимодействии с государственными учреждениями и другими социальными институтами того времени» (с. 17). Составители указывают, что исследования таких институций как цензура, народное образование, театр, кружки и

литературные объединения ведутся с конца XIX в., но изучаются они изолированно, а не комплексно и обычно с идеологической, биографической или фактографической точек зрения.

Немало фактографии и в представленных в книге статьях. Авторы, однако, противопоставляют свою работу тем исследованиям, в которых литература предстает как каталог произведений, а не динамический объект (с. 9). Отсюда, вероятно, оговорка о, казалось бы, естественном для историко-литературного труда решении «максимально полно цитировать малодоступные или малоизвестные источники, особенно архивные», поскольку читателю, ищущему проблемного подхода, «текст может показаться [...] перегруженным пространными цитатами» (примеч. 2 на с. 16).

Большинство членов коллектива много работали над темами, вошедшими в круг рассматриваемых в монографии. Их перечень можно было бы расширить: например, за рамками издания остался институт литературных премий, о которых писали А. И. Рейтблат и К. Ю. Зубков [Рейтблат 2009; Зубков 2021].

Исследование привлекает смелостью заявленного перехода к институциональному анализу без отрыва от филологической почвы. Своими предшественниками авторы видят поздних формалистов и прежде всего Б. М. Эйхенбаума (апелляция к его опыту начинается книгу), чья попытка описать социальный разрез литературы оказалась, как известно, неудачной: история литературного быта так и не была создана.

Разброс представленных тем и эпох лишь на первый взгляд препятствует цельности монографии. Исследование, результатом которого она стала, проводилось в рамках грантового проекта, но следы «отчетности» минимальны. Напротив, совместная работа и сформулированный подход «узловых проблем»¹ помогли исследователям взглянуть на свои многолетние разыскания под общим углом зрения и выдвинуть на первый план новые аспекты.

В **первом разделе** представлены три работы, охватывающие период XVIII — начала XIX в. Институты литературы того времени изучены лучше всего (обзор исследований только по Александровскому царствованию составил специальную статью А. С. Бодровой [Бодрова 2021]), поэтому особенно ценно умение взглянуть по-новому, совершенно оригинально именно на этот материал. А. А. Костин обращается не к развитию и функционированию сложившихся форм, а к первоначальному — появлению литературы как института в современном, модерном виде: «Нас будет интересовать [...] вопрос, как сформированные их [поэтов первой половины XVIII в. — А. С., В. Ф.] сочинениями текстуальные сообщества порождали стихотворные тексты в социальных контекстах, отличных от претекстов» (с. 43), иными словами, как и почему поэзия вышла за пределы

---

¹ Составители отмечают: «Наш подход [...] подразумевает не создание масштабного нарратива, охватывающего социальную историю литературы на протяжении нескольких веков, а анализ отдельных узловых проблем, связанных с эволюцией института литературы» (с. 25). Состав «узлов» мог быть и иным. Вариант перераспределения обсуждается в работе: [Загидуллина 2024] (автор рецензии занимается в том числе исследованием медиа в современном обществе и монографию рассматривает с точки зрения эволюции социальных институтов). Еще одну рецензию на это издание см.: [Козлов 2024].

узкого круга ее «производителей». Выделяется наиболее общее свойство литературы как института — способность к самовоспроизведению, без жесткой зависимости от конкретных обстоятельств появления. Расхожее представление о рождении новой русской литературы в пеленах реформы стихосложения (выражаясь словами В. Ф. Ходасевича, «первый звук Хотинской оды нам первым криком жизни стал») вызывает подмену понятий «литература» и «модерная поэзия». Первая глава «Открытость поля поэзии, или Поэзия как товар» призвана в том числе указать на отсутствие знака равенства между ними. Правда, в общей картине несколько теряется значение западноевропейского опыта, который постоянно подпитывал как практику, так и представления писателей XVIII в. о границах и нормах литературы. Так, исследователь указывает на противоречие: В. К. Третьяковский обращается к читателям, называя их — во множественном числе — «титованными, искуснейшими, упражняющимися» в стихотворстве, а в реальности под совокупность этих условий подходил один А. Д. Кантемир (с. 44). Любое предположение, зачем Третьяковский допускал такое странное обращение, должно учитывать зависимость от модели, которую предлагали французские поэтические трактаты и которую Третьяковский, очевидно, воспроизводил.

Парадоксальным и ярким высказыванием «Удивительно не то, что в первые десятилетия XVIII в. русских стихотворцев было немного, а то, что они вообще были» (с. 47) А. А. Костин подводит итог: в закрытом поле поэзии первой половины XVIII в. потребителями были сами же агенты этого поля². Анализ изменений проговариваемого Ломоносовым, Сумароковым и Третьяковским отношения к читателю (особенно любопытно сравнение ранних и поздних высказываний Третьяковского о состязании в переложении 143-го псалма в 1744 г.) приводит к утверждению, что к концу 1740-х — началу 1750-х гг. «закрытость поля поэзии» сменилась «размыванием его границ» (с. 55).

Выскажем — схематично — наш взгляд на проблему. Если сдвинуть хронологическую границу до середины XVII в., картина может получиться иной. Социальный облик русской поэзии переживал долгий переход от частного стихотворства приказной школы к поэзии, осененной придворным, служебным и, наконец, государственным долгом. На место личного пристрастия, «забавы» упражнявшихся в словесности переводчиков приходит в качестве мотивировки функция пользы, потом уже постепенно переносившаяся с общественного на частное. Новая автономизация начинает проявляться лишь с конца XVIII в. в течение всей первой половины XIX столетия. И параллельно этому процессу фигура придворного поэта через промежуточный тип государственного поэта порождает взаимодействующего с обществом гражданского поэта. Особая роль в этой конструкции будет у Кантемира, который застал ориентированную на Двор традицию и в своем творчестве сформировал особую категорию, связанную с автономизацией, — отделенную от автора фигуру читателя (внутри текста — через систему обращений и примечаний). Но сразу же после Кантемира что-то пошло не так. Идеальный читатель Третьяковского равен Третьяковскому, как и Ломоносов — Ломоносову.

² Ср. хорошо известное высказывание Г. Н. Теплова 1755 (!) г.: «По сие время все русские стихотворцы персонально нам ведомы» [Пекарский 1873: 189].

В таком ракурсе разговора о социальном поле литературы XVII–XVIII вв. ее утилитарный/неутилитарный характер важнее форм разграничения печатного и рукописного, светского и церковного. Между тем, по Костину, процесс автономизации шел параллельно с вытеснением церковной печати из роли медиа, устанавливающего моду и транслирующего актуальную стихотворную культуру (статистика появления новых стихотворных текстов в кириллических изданиях XVIII в., на которой основаны эти выводы, представлена в виде убедительных графиков), во второй трети столетия «эта функция остается лишь за изданиями гражданского шрифта» (с. 57)³.

Фундированность написанных Костиным глав не менее впечатляет, чем давно проявившееся свойство его работ, отмеченных неожиданным поворотом мысли, приложением необычных инструментов к уже, казалось бы, хорошо знакомому материалу. Написанная им же вторая глава «Вымыслы поэтические и преступные: литература среди других институций письма» в полной мере соответствует этой характеристике и предлагает новый взгляд на широко распространенную в литературе XVIII в. критику подъячих через со- и противопоставление их языка и «славы» с поэтическими.

Еще одной формой автономизации (а с другой стороны — институциализации), относящейся к закату данной эпохи, являются литературные объединения, кружки и салоны начала XIX в., о которых идет речь в статье А. С. Бодровой «Институциональный статус литературных обществ второй половины 1810-х годов». Сосредоточившись на Российской академии и ВОЛРС, исследовательница изучает «многочисленные точки напряжения и области конкуренции между общественными институтами второй половины 1810-х гг. и государственными институциями», демонстрирующие «сложное взаимоналожение личных, кружковых, бюрократических отношений» (с. 103).

Целью **второго раздела** (об эволюции публичной сферы в 1840–1850-х гг.) названо исследование «разработки новых форм социальной коммуникации», которое «приводит к качественным сдвигам в публичной сфере, распространению новых интеллектуальных, политических и литературных практик» (с. 29). Составители сравнивают это с подходом Роже Шартье, согласно которому «распространение книгопечатания и современной литературы готовило почву для политических и интеллектуальных потрясений эпохи Великой французской революции» (с. 29). В самом разделе идет речь о других явлениях и работы Шартье упоминаются лишь однажды (с. 153). Параллель с ними требует другого материала, чем представленный, например, изучение того, как кружки и журналы стали базой общественного движения 1840-х, а затем конца 1850-х — 1860-х гг. Повод к сравнению, однако, этот раздел дает: связь между литературой и политикой анализируется не в самих текстах, используемых метафорах, истории их создания и т. п. (как это было образцово выполнено у А. Л. Зорина⁴), а в институциях, через которые они распространяются.

³ Понятие «печатная гражданским шрифтом поэзия» рефреном проходит через всю главу.

⁴ Симптоматично, что достижения Зорина и близких к его направлению ученых (В. Ю. Проскуриной, М. Л. Майофис и др.) находятся на периферии исследования: здесь они если и упоминаются, то лишь как источник конкретных сведений.

При этом главы М. Б. Велижева («Публичная сфера и политическая мысль: институты полемики в ранней истории западничества и славянофильства») и Е. И. Вожик («Фельетоны журнала “Современник” и формирование публичной сферы в 1850-е годы») представляют разные исследовательские подходы. В первом случае перед нами скорее институциональная история; в результате анализа выясняется, что форма организации полемики влияла на ее содержание едва ли не больше, чем идеи, с которыми подходили к ее началу участники. Вторая работа ориентирована на исследование функции жанра (т. е. «тыняновского», а не «эйхенбаумовского» видения литературы), здесь — журнального фельетона, который, как особая художественно-публицистическая форма, пережил разные периоды, характеризующиеся и игровым, и политическим содержанием (что заставляет вспомнить о более поздних явлениях, например, о «фельетоне за все лето» Ф. М. Достоевского — «Зимних заметках о летних впечатлениях», форма и смысл которых ведет в перспективе к «Дневнику писателя»).

Глава, написанная М. Б. Велижевым, не так охотно открывает читателю свою филологическую природу. Его исследование построено на архивных материалах (переписка участников собраний, рукописи работ), но их введение в научный оборот не самоцель. В фокусе внимания общественная история — полемика А. С. Хомякова и И. С. Киреевского с Т. Н. Грановским. Велижев полагает, что описание только самих идей, высказанных в ходе ее, «не раскрывает всей механики дискуссий» (с. 139). Битва умов была не только интеллектуальным упражнением, в ее подтексте было соперничество за воздействие на молодежь. «Суть противостояния заключалась» в «благородном соревновании между носителями разных взглядов» (с. 141), в ходе которого каждая из сторон выбрала определенный институт, позволявший ей получить поддержку — салон или университетскую кафедру. Упор на «механику дискуссий» (с. 139) помогает выявить, например, что мода на гегельянство определяла структуру спора: обе стороны прекрасно ориентировались в вопросе и, кроме того, считывали стратегию друг друга (славянофилы полемизировали с немецким рационализмом, породившим философию Гегеля, а Грановский возражал им, используя принципы гегелевской логики). Дальнейший анализ подтверждает это. Грановский и Бакунин, несмотря на известное сходство взглядов, расходятся сильнее, чем Грановский и Киреевские, и М. Б. Велижев связывает это с разными стратегиями социального поведения и полемики. Но когда выстраивается цепочка таких сопоставлений (Бакунин и Белинский, Белинский и Станкевич), появляется сомнение: моделями ли было обусловлено их поведение — или в каждом случае проявлялись особенности личности конкретного человека. Это остается не проясненным⁵.

Сделаем небольшое предположение. Может быть, не нужно искать конкретный источник в следующем случае. Грановский пишет к Станкевичу осенью 1839 г.: «Киреевский говорит эти вещи [о том, что Запад сгнил и т. д. — В. Ф., А. С.] в прозе, Хомяков — в стихах» (с. 134). Исследователь определяет, к каким

⁵ Возможно, отчасти ответ на этот вопрос содержится в других работах Велижева, на которые он ссылается в своей главе, в том числе в авторской монографии 2022 г. Подобных ссылок много почти в каждой главе, что говорит, на наш взгляд, об ограниченности данного исследования в научной биографии его авторов.

стихотворениям Хомякова это замечание могло относиться, и задается вопросом, за неимением сведений о статьях Киреевского, написанных до указанного времени, что же подразумевается под его «прозой». Однако в приведенной цитате Грановский не информирует о чтении какого-либо произведения, а рассуждает о «философии этих людей» (славянофилов). Естественнее всего подумать, что он описывает разговоры, в которых Киреевский высказывал идеи, отразившиеся позже в статьях; проза здесь — вполне возможно, просто «не стихи» или даже «не литература».

Третий раздел книги начинается главой о цензуре, несомненно, важнейшей из литературных институций XIX в., в нем пересматриваются некоторые закрепившиеся в научной традиции положения (основная функция цензуры — политический надзор за публикациями; служба противостоит творчеству, цензоры — писателям и т. д.). Сразу скажем, что доводы к пересмотру выглядят убедительными. В то же время из трех глав этого раздела две, А. С. Федотова и К. Ю. Зубкова, посвящены театру и отчасти развивают темы их монографий в этой области [Федотов 2016; Зубков 2023].

Отталкиваясь от идеи П. Г. Богатырева и Р. О. Якобсона о том, что «литература регулярно приходит в конфликт с окружающим обществом, вызывая у него стремление ограничить свободу самовыражения писателя» (с. 177), К. Ю. Зубков распространяет это положение на театральную цензуру. По его мнению, будучи частью государственной машины, она одновременно являлась производной от состояния общественного развития. В своих вердиктах цензоры исходили не только из принципов политического контроля, но и из представлений о публике и ее поведении, а также о моральных нормах общества, менявшихся со временем (и, в свою очередь, оказывали влияние на их формирование). Важнейший контекст исследования — описание устройства цензуры в других европейских странах, где ее положение было схожим. Как отмечает Зубков, русские цензоры были «близки к их английским и французским коллегам, также обеспокоенным угрозой “приличному” обществу со стороны низов» (с. 210). Вынося решения, они учитывали, наравне с текстами пьес (и содержащимися в них объективными промахами мимо устава), предполагающую реакцию на них «простого зрителя», который был, конечно, конструктом. Обвинение пьесы в «аморальности» оказывалось результатом прежде всего литературной неумелости автора, в силу которой постановка могла произвести сомнительное в политическом и религиозном отношении впечатление (с. 193). При этом «тесная связь “нравственного достоинства” и общественного положения героя приводила к неразграничению “моральной” и политической цензуры» (с. 194). То есть цензоры, со своими индивидуальными «настройками», оказывались проводниками как влияния общества на театр, так и контроля над ним со стороны власти, поставившей их на эту должность.

Исследователь подчеркивает изменчивость норм, «конкретных представлений цензоров о том, что именно “прилично” и “неприлично”, какие общественные группы имеют право это определять и как надлежит за этими приличиями следить» (с. 195), а также акцентирует внимание на том, как сами цензоры видели свою задачу во время того или иного царствования: «Цензоры николаевского времени, таким образом, занимали покровительственную позицию, стремясь воспитывать всех зрителей, как образованных, так и простонародье» (с. 202); в эпоху

Александра II они предполагали в зрителях уже «реакцию на авторскую позицию и результат самостоятельных интеллектуальных и эмоциональных усилий» (с. 205); но мало проясняет механику изменений. Согласимся с высказанными при обсуждении этой темы предложениями. Даже если мы не можем установить, зрители из каких сословий и в каких пропорциях ходили в театр, очевидно, что общество в театре менее однородно, чем читательское, и смешение норм можно предположительно связать с тем, как менялся состав театральной публики.

К. Ю. Зубков переносит акцент с историко-политических обстоятельств на само взаимодействие между цензурой, обществом и театральными деятелями. В этом плане ценны отдельные наблюдения, например, о том, что члены Совета министра внутренних дел по делам печати «принимали решения коллегиально и должны были развернуто обосновывать свою позицию» (с. 206), в чем нужно усматривать признак ориентации на общественную функцию цензуры, а не на репрессивную. Для цензоров как участников взаимодействия главным объектом охранения было не достоинство религии или монархии, а «единство общества в целом», как бы они ни понимали средства его достижения: по-николаевски покровительственно или по-александровски перформативно.

Влияние личности цензора на процесс К. Ю. Зубков разбирает в целом, а один из самых известных примеров получает освещение в следующей главе. С. Н. Гуськов рассматривает соотношение между служебной и творческой деятельностью Гончарова и описывает разные варианты их взаимодействия.

В главе «Пореформенный театр в поисках автономии: падение театральной монополии и сопутствующие процессы» А. С. Федотов уделяет первостепенное внимание одному из процессов, может быть, не очень удачно названных сопутствующими: переходу драматургии из состояния прикладной деятельности для театра в положение самостоятельного литературного института. Экономический же аспект — формирование рыночных отношений в русском театре — как раз играет дополнительную роль по отношению к нему. Выстроенный во многом вокруг фигуры А. Н. Островского сюжет позволил рассмотреть, как идеология, доминировавшая в празднованиях 100- и 200-летия русского театра (с разницей в 15 лет), связана с тем, в какой сфере — власти или сообщества драматургов соответственно — возникла инициатива отметить эти даты проведением конкурса пьес.

Четвертый раздел «Писательские сообщества и проблемы автономизации литературы во второй половине XIX в.» объединяет две работы. Первая из них — М. С. Макеева — посвящена Литературному фонду, выработке принципов его деятельности и проблемам, с которыми он столкнулся. Основная заключалась в выборе, кому из просителей выделить помощь, поскольку «количество заявок с самого начала превысило возможности Фонда» (с. 286). Сомнения и аргументы отразились во многих протоколах фондового комитета, выдержки из которых публикуются в главе⁶. Первоначальные критерии для выделения пособия — «заслуги перед просвещением», эстетические принципы — должны были удовлетворять над человеческой «остротой нужды и страданий» просителя (с. 278). На

---

⁶ М. С. Макеев указывает, что обзор «частично основан на материалах и выводах выпускной бакалаврской работы А. О. Минервиной» (филологический факультет МГУ, 2014) (с. 282).

практике литфондовцы столкнулись с необходимостью определения профессионального литератора, размытостью границ между литературой и наукой, между разными сферами литературного труда (издатели, редакторы и переводчики), и вопросом, что отделяет «любителя» от «настоящего» писателя. В конечном счете установление критериев упирается в то, кого в принципе можно признать писателем, и характеризует не только саму организацию и ее основателей, но и широкое сообщество. До основания Литфонда, парадоксально, не возникало такого вопроса, но и до начала XX в. групповая самоидентификация оставалась актуальной. Проблемы, с которыми сталкивалась первая в России автономная писательская организация, потом вставали перед другими⁷.

В ходе работы Фонда все же «на первый план вышли проблемы нужды и страданий» (с. 289), но квалификация кандидатов по-прежнему играла существенную роль. Приведенные М. С. Макеевым примеры успешных и безуспешных обращений за помощью (Л. И. Пальмин, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, П. П. Каменский) показывают, что пособия и ссуды выдавались с опорой на «признание и репутацию» в литературном сообществе, а «оценка качества произведений подменялась оценкой характера просителя и степени его преданности литературе» (с. 292).

Очерк Макеева порождает размышления о том, как сложилась судьба литературной организации, как бы предрешенная содержанием самой литературы: «дружининская эстетическая утопия» не была воплощена, деятельность Фонда отразила «русскую литературу с ее гуманистическими тенденциями, с царящим в ней беспорядком в сфере эстетических оценок и иерархий...» (с. 293). Все же организация не была полностью автономной: ее контролировало Министерство народного просвещения, кассу Фонда поддерживали пожертвования из того же Министерства и из личных средств Александра II. Но в этой главе основным объектом, как нам кажется, выступает не функционирование институции, а явление, которое вообще вызвало ее к жизни: существование профессионального писателя и понятие о нем.

Работа А. И. Рейтблата «Русская литературная богема (1860–1880-е годы)» продолжает тему, поднятую в предыдущей главе, — статус литератора, только рассказывает не о выявлении профессиональных критериев организацией, имеющей структуру и устав, а об устройстве сообщества, складывающегося стихийно. «Богема» — это его ретроспективное самоназвание, причем от богемы, которая связана с художественно-артистическим миром и понятие о которой пришло из французской традиции, она отличается как составом (наемные работники пера, получавшие мелкие задания от журналов), так и идейно: представители этой богемы были далеки от «идеи искусства как автономной сферы» (с. 302).

⁷ См., например, «Инструкцию о приеме членов профессионального Союза деятелей художественной литературы» 1917 г. [Муромский 2002: 133–135]: критериями служили публикации, печатные листы и другие единицы объема, в зависимости от того, к какой специализации относился кандидат в Союз (так, драматург должен был написать не менее четырех актов). Более поздней параллелью могут служить критерии вхождения в словари писателей XVIII и XIX в., — проблема, очевидно, знакомая многим из участников коллективной монографии — корреспондентам этих словарей.

Периодические издания, число которых в 1860-е гг. увеличилось, нужно было заполнять оригинальными материалами, что повлекло за собой появление множества литераторов, специализирующихся на мелких заметках, оплата их труда была низкой, в итоге сложился «тип перебивающегося с “хлеба на квас” писателя» (с. 299). Самосознание данной группы складывалось, помимо профессиональной общности, из принципиальной свободы (в силу бедности подразумевавшей маргинальное поведение) и «чувства исполнения общественного долга». Богема имела и свои формы самоорганизации, и типичное место сбора — трактиры, где не только пили, но в первую очередь обменивались информацией и продавали свои услуги или получали задание (с. 307–309).

«Этаж» этого явления в общей картине литературы — низовой, чему способствовали объективные критерии: экономическое и социальное положение, уровень образования. Пока верхние слои институционализировались (и не признавали богему: обращения ее представителей в Литературный фонд, свидетельства которых приводит Рейтблат, оставались, как правило, без положительного рассмотрения), богема исчезла, потому что «росло число низовых изданий и повышался уровень их “солидности”, увеличивались гонорары в них» (с. 310).

А. И. Рейтблат смог создать коллективный портрет мимолетного явления, используя немногочисленные источники, в которых оно только и могло быть зафиксировано: воспоминания и беллетристические тексты, описывающие образ жизни и социальный статус этих литераторов (попутно даны атрибуции, расшифровки псевдонимов и прототипов⁸).

Несмотря на то что структура книги в целом подчиняется хронологии, исследование концентрируется прежде всего на периоде двух правлений: Николая I и Александра II (и, в меньшей степени, Александра III). **Пятый и заключительный раздел** — «Литература и просветительские проекты в Российской империи», как и другие, не подменяет собой диахроническую позитивистскую «эволюцию», но рассматривает отдельную узловую тему. Все необходимые аспекты истории связи русской литературы с образованием, если бы писали ее, было бы не вместить в одну книгу, откуда ни начинать, со Славяно-греко-латинской академии и Сухопутного шляхетного корпуса или с И. И. Бецкого и Н. И. Новикова. Объединенные же в разделе кейсы принадлежат к середине — второй половине XIX в., и завершает книгу работа Я. Я. Агафоновой, материал которой охватывает период до 1917 г.

А. В. Вдовин («От “Полной русской хрестоматии” к первой программе по литературе: становление стандартов литературного образования в России и педагогические проекты А. Д. Галахова 1840–1850-х годов»), продолжая свои исследования в области формирования литературного канона в школе, обратился теперь не к содержащим набор ключевых текстов хрестоматиям, но уже к программам обучения, которыми обоснован отбор этих текстов, вслед за, как написано, «французской, немецкой и англосаксонской [?!] социологией литературы» (с. 316). В центре его главы — появление в России особого института, стабильной

---

⁸ В данном случае мы имеем дело не с продолжением предыдущих работ, а с намеченной перспективой, идеей нового словаря, см.: [Рейтблат 2024а; Рейтблат 2024б].

программы изучения словесности. Вдовин опирается на понимание института как системы, включающей правила, организацию, нормы и периодически повторяемые действия людей, — определение, введенное экономистом А. Грейфом. Хотя остальные авторы книги не пошли по пути эксплицирования теории, но их взгляд на институты в целом, кажется, близок принятому в этой главе, а иногда практически идентичен, как, например, у К. Ю. Зубкова (с. 179).

Исследователь исходит из того, что включение в программу произведений какого-либо писателя — важный показатель как его канонизации, так и укрепления престижа и даже сакрализации современной литературы (с. 328). Это возможно потому, что (и добавим — когда) школьное изучение современной национальной словесности является частью института литературы. Значимость изучения преподавания литературы вряд ли можно преувеличить, но следует отметить, что оно обосновано не только теорией Грейфа, но и комплексом предшествующих работ самого автора, отсылки к которым он делает.

По гипотезе Вдовина, специфику проектов Галахова (хрестоматия и программа) определило то, что идея их необходимости родилась в ведомственной конкуренции «институтов женского и военного образования» с Министерством народного просвещения (с. 33); там же шла их разработка и стандартизация. Примечательно, что немаловажную роль в формировании программы сыграли необходимость распространения идеологии «православия, самодержавия и народности» (с. 330), а также процесс централизации управления учебными заведениями.

Суть изменений заключалась в «модернизации» материала, которая влекла за собой трансформацию практики обучения: на место «элитарного усвоения лучших образцов античной литературы» приходила известная вовлеченность в современный литературный процесс. Укажем, что внешне похожим образом поступал еще в начале XIX в. в своих учебных пособиях Н. И. Греч, объединявший литературу переводную и оригинальную, старую и современную. Новизной хрестоматии и программы Галахова — «основанных на интерпретации национальной литературы», было призвание «объединить представителей сословий империи в качестве граждан-патриотов» (с. 348), что стало возможным во взаимодействии с институцией и не могло осуществиться вне этого усилиями энтузиастов-одиночек.

История, описанная в главе Ю. И. Красносельской «Общество это составляю я один»: генезис и рецепция педагогического проекта Л. Н. Толстого в свете дискуссий начала 1860-х годов о законах общественного развития», подтверждает это правило. Рассказывая о безуспешной борьбе Толстого за передачу приоритета в области народного просвещения от литературных журналов сообществу единомышленников, исследовательница в качестве причины неудачи отмечает то обстоятельство, что «рефлексия по поводу этой практической деятельности осуществлялась и в рамках литературных институтов (прежде всего журнальной критики), представители которых имели иную точку зрения на организацию таких сообществ, расстановку сил внутри них, их идеологию» (с. 353). На наш взгляд, эта глава ближе других подходит к осмыслению моды как социального феномена — еще одного литературного института, который выборочно освещается в других разделах.

В главе «Чтения для народа как государственный просветительский проект в поздний период Российской империи» Я. Я. Агафонова рассматривает еще одну, помимо цензуры и образовательных программ, форму взаимодействия государства и литературы. Анализ просветительской и издательской деятельности Комиссии по устройству народных чтений (с 1872 г.) опирается на использование термина «делегированное чтение». Здесь так же, как в случае чтения ребенку, за выбор отвечал не сам читатель и в роли «родителя» выступало правительство. Поддержка от «высших кругов образованного общества» обеспечивала функционирование чтений как «инструмента идеологической пропаганды» (с. 410).

Одну часть работы составляет общее осмысление явления. Как и в случае с «простым зрителем» театрального цензора, народный читатель описывается как выстроенный концепт, «продукт социального воображения» (с. 400), «в изобретении которого Комиссия сыграла важную роль» (с. 435), «специфический адресат, сконструированный официальной повесткой» (с. 400), «элемент воображаемой национальной идентичности» (с. 401) и т. д. Другую — анализ устройства чтений и изданий, для которых определяется модель — «популяризация лучших образцов мировой литературы» (с. 406). Ядро канона составили Шекспир, Пушкин и Кольцов. Примечательна и регламентация самих чтений: исполнение «чтецами, получившими разрешение у губернатора», «строго по тексту», «надзор директорами училищ» (с. 415).

Наблюдения над изданиями разной тематики: религиозной, географической, исторической литературой, произведениями русских и западных авторов, — может быть, не очень показательны из-за сравнительно малого числа наименований в некоторые периоды (например, в 1872–1881 гг. вышли пять изданий по религии, одно путешествие, шесть по истории, три относящихся к художественной литературе), но общую тенденцию отражают. История изданий приведена в таблицах по периодам руководства, так как глава Комиссии имел решающее влияние на репертуар (периодизация, скажем, условная, поскольку отчасти совпадает с царствованиями). Издания по исторической и военной темам служили тому, чтобы показать, что Россия — «часть глобального мира и должна развиваться по примеру просвещенных европейских империй», и одновременно «внушить национальную гордость и мобилизовать народ на защиту Российской империи» (с. 421).

Составленная исследовательницей база данных изданий Комиссии доступна в формате Excel по приведенной ссылке на нее в Интернете. Жаль, что к самой статье список книг не прилагается, хотя он и утяжелил бы книгу.

Пожалуй, в последней главе государство выходит на сцену заметнее всего, но почти из любой главы ясно: оно постоянно присутствует в качестве фактора, воздействующего на объект исследования. В названии конференции, проведенной в 2020 г. в Пушкинском Доме участниками проекта, и эта, и хронологическая составляющие выражены, пожалуй, более отчетливо: «Институты литературы и государственная власть в России XIX века»⁹. Изменение названия, думаем, связано не только с итоговым составом участников монографии и выбранных ими

⁹ В представленных на ней докладах были затронуты и темы, не вошедшие в итоговое исследование. Хронику конференции см.: [Бодрова, Гуськов, Зубков 2021].

сюжетов. Выделить в таком многогранном явлении какой-то один элемент, тем более довольно абстрактный, как государство, нельзя: это усилило бы внимание к давлению, постоянно, как мы привыкли думать, им оказываемому. В реальности, как показывает исследование, все сложнее.

Мы не случайно делали оговорки о том, что следы того или иного сюжета, родственные явления можно найти в предшествующей или последующей эпохе: XVIII и XX столетиям в книге уделено отрывочное внимание. Такие «находки», число которых легко умножит любой читатель, не означают, что предложенные авторами коллективной монографии построения сомнительны. Просто это не история и не изложение готовой концепции; не энциклопедия, а рабочий инструмент. Нити протягиваются в разные стороны, а потому книга пригодится еще многим, кто пока, ограничившись просмотром оглавления и не увидев работ по своим интересам, отложил ее в сторону.

И все же не покидает ощущение, что исторического измерения не хватает, вероятно, из-за спрятанной за пределами текста экспозиции. Авторы, как правило, адресуются к читателям, держащим в фокусе конкретную проблему. Предварительное знакомство с азами материала каждой из глав не обязательно, но поможет вникнуть в нюансы исследования и получить многоплановую картину. Вряд ли найдет читатель, способный охватить всё; и обратное: никто еще не готов представить полного описания институций даже одного только XIX в. И пусть это пока не обобщение, а начало пути к нему, отличие книги от близких по теме работ предшественников в том, что совокупность исследований складывается в интересный и подробный рассказ не об одной проблеме, а о том, как было устроено «поле» русской литературы на примере целого ряда институций. Залогом цельности выступает позиция, объединяющая авторов, а каждую главу легко представить самостоятельным очерком. Остановливаясь на них с разной степенью подробности, мы хотели бы передать возникшее у нас ощущение доступности изложения, как материала, так и рассмотренных с его привлечением проблем, которые оказываются понятны филологам, занимающимся другими эпохами, и без исторических предисловий.

Переиздание монографии, безусловно, необходимо для пополнения библиотек российских вузов (и списков чтения для студентов-филологов), независимо от того, решат ли составители дополнять текст новыми разделами и главами. Но при этом желательно устранить мелкие погрешности в аппарате книги. Библиографические описания в списке литературы не предварены уникальным шифром, используемым в самом тексте книги, в результате иногда трудно понять, на какую из вышедших в одном году работ одного автора дается ссылка. Отсутствие сносок здесь редкое явление, но в одном случае оно бросается в глаза, поскольку обернулось весьма значимой для темы монографии опечаткой: «Почти столетие назад в статье “Литературный факт” Б. М. Эйхенбаум утверждал, что в силу современных обстоятельств наиболее актуальным предметом исследований становится “не литература сама по себе, а ее социальное бытование”» (с. 7). Утверждение Эйхенбаума, конечно, содержится в его статье «Литературный быт». Впрочем, искажение в первой строке введения не задает тон всей книге: «факты» в ней не заслоняют ни «быт», ни другие важные для изучения социального поля литературы понятия.

В заключение два слова о «литературоведческом быте», который лишь в малой степени отражают скупые строки «сведений об авторах». Среди них есть и признанные лидеры в своих направлениях науки, и совсем еще молодые ученые. Но костяк группы исследователей, объединившихся в монографии, — представители поколения, начавшего входить в науку в середине 2000-х — 2010-х гг. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в эти годы институции филологии перестали быть «домами» отдельных школ, объединившись в пространство открытого диалога и дискуссий, свободных как от идеологических ограничений, так и от привычки с ними бороться. Особенно это важно для изучения литературы XIX в., взгляд на которую в это время пересобирали заново¹⁰. Используя возможность, которой были лишены предшественники, — растить свой потенциал (и профессиональный, и личностный) в свободных условиях, это поколение, не манифестируя громко свои намерения, не имея генерального плана, руководствуясь интересами и собственным исследовательским чутьем, работало над частными историко-литературными проблемами в условиях «кризиса филологии». Большие надежды, лелеемые самыми мобильными и деятельными его представителями, наткнулись на заслон, для преодоления которого, увы, мало и выработанных качеств, и усилий существующих институций. Обсуждаемая книга поможет будущим историкам науки представить коллективный портрет этого поколения и подвести (надеемся, промежуточный) итог его деятельности.

Библиография

Бодрова 2021

Бодрова А. С., Литературные общества в России первой половины XIX в.: проблемы междисциплинарного описания, *Русская литература*, 1, 2021, 5–18.

Бодрова, Гуськов, Зубков 2021

Бодрова А., Гуськов С., Зубков К., Международная научная конференция «Институты литературы и государственная власть в России XIX века», *Новое литературное обозрение*, 5/171, 2021, 414–422.

Загидуллина 2024

Загидуллина М., История литературы как социального института, *Новое литературное обозрение*, 5/189, 2024, 304–315.

Зубков 2014

Зубков К., Наука о литературе и литературная классика: опыт критического обзора юбилейной гончаровской литературы, *Slavica Revalensia*, 1, 2014, 155–175.

——— 2021

Зубков К. Ю., *Сценарии перемен. Уваровская награда и эволюция русской драматургии в эпоху Александра II*, Москва, 2021.

——— 2023

Зубков К. Ю., *Просвещать и карать. Функции цензуры в Российской империи середины XIX века*, Москва, 2023.

Козлов 2024

Козлов А. Е., «Литература есть мир промышленный», *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 23/6, 2024, 143–147.

¹⁰ См. пример рефлексии об этом: [Зубков 2014].

Муромский 2002

Муромский В. П., publ., Союз деятелей художественной литературы (1918 — 1919 гг.), *Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1910–1930-х годов. Исследования и материалы: В 2 кн., 1. С.-Петербург, 2002, 125–196.*

Пекарский 1873

Пекарский П. П., *История Императорской Академии наук в Петербурге, 2. С.-Петербург, 1873.*

Рейтблат 2009

Рейтблат А. И., Литературные премии в дореволюционной России, *Idem, От Бовы к Бальмонту. Москва, 2009, 330–348.*

——— 2024a

Рейтблат А. И., «Прототип» как научная категория, *Новое литературное обозрение, 1/185, 2024, 175–189.*

——— 2024b

Рейтблат А. И., Русские писатели как прототипы литературных персонажей. (Материалы для словаря прототипов в русской литературе XIX — начала XX века), *Литературный факт, 2/32, 2024, 379–428.*

Федотов 2016

Федотов А. С., *Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов, Тарту, 2016.*

References

Bodrova A. S., Literary Societies in Russia in the First Half of the 19th Century: Approaches to an Interdisciplinary Description, *Russkaia Literatura, 1, 2021, 5–18.*

Bodrova A., Guskov S., Zubkov K., Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia "Instituty literatury i gosudarstvennaia vlast' v Rossii 19 veka", *Novoe literaturnoe obozrenie, 5/171, 2021, 414–422.*

Fedotov A. S., *Russian Theatrical Magazine in the Cultural Context of the 1840s, Tartu, 2016.*

Kozlov A. E. "Literature is an Industrial World", *Vestnik NSU. Series: History and Philology, 23/6, 2024, 143–147.*

Muromsky V. P., publ., Soiuz deiatelei khudozhestvennoi literatury (1918 — 1919 gg.), *Iz istorii literaturnykh ob"edinenii Petrograda–Leningrada 1910–1930-kh godov. Issledovaniia i materialy, 1. St. Petersburg, 2002, 125–196.*

Reitblat A. I., Literaturnye premii v dorevoliutsionnoi Rossii, *Idem, Ot Bovy k Bal'montu. Moscow, 2009, 330–348.*

Reitblat A. I., Literary Character Prototype as a Scientific Category, *Novoe literaturnoe obozrenie, 1/185, 2024, 175–189.*

Reitblat A. I., Russian Writers as Prototypes of Literary Characters. (Materials for a Dictionary of Prototypes in Russian Literature of the 19th — Early 20th Centuries), *Literary Fact, 2/32, 2024, 379–428.*

Zagidullina M., Istoriia literatury kak sotsial'nogo instituta, *Novoe literaturnoe obozrenie, 5/189, 2024, 304–315.*

Zubkov K., Literary criticism and the literary canon: A survey of the literature devoted to Ivan Goncharov's bicentennial (2012), *Slavica Revalensia, 1, 2014, 155–175.*

Zubkov K. Yu., *Stsenarii peremen. Uvarovskaia nagrada i evoliutsiia russkoi dramaturgii v epokhu Aleksandra 2, Moscow, 2021.*

Zubkov K. Yu., *Prosveshchat' i karat'. Funktsii tsenzury v Rossiiskoi imperii sereдины XIX veka, Moscow, 2023.*

Андрей Юрьевич Соловьев, кандидат филологических наук,
научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
199034, С.-Петербург, наб. Адмирала Макарова, д. 4

Россия / Russia

an.solovjov@gmail.com

Вера Владимировна Филичева, кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
199034, С.-Петербург, наб. Адмирала Макарова, д. 4
Россия / Russia
Intfmd@rambler.ru

Received December 24, 2024